

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.16](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.16)

EDN [ZQHLFB](https://www.edn.ru/ZQHLFB)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ МОЛОДЕЖИ

Кузнецов. Н. Г.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: nick_smith@mail.ru

Для цитирования: Кузнецов, Н. Г. Зарубежный опыт управления образовательной эмиграцией молодежи // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 260–273. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.16](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.16). EDN [ZQHLFB](https://www.edn.ru/ZQHLFB).

Аннотация. Образовательная миграция стала неотъемлемой частью развития систем высшего образования крупных стран и способом решения ряда социальных, экономических и демографических проблем. В статье проанализированы подходы отдельных государств к регулированию выездной образовательной миграции, т. е. направленные на сохранение человеческого капитала внутри страны, либо попытке привлечения студентов, обучающихся за рубежом, к научным, социальным, культурным или экономическим проектам, реализуемых страной. Выделены три группы инструментов, используемых в государственной политике управления образовательной миграцией: удержание, возвращение и вовлечение. Приведены примеры государств, реализующих те или иные программы, входящие в эти три группы. Проведен анализ недостатков отечественных методов управления потоками образовательных мигрантов и сформулированы рекомендации, которые могли бы быть учтены при корректировании национальной политики в данной сфере, позволив расширить целевую аудиторию уже реализуемых мер и использовать потенциал учащихся за рубежом отечественных студентов в рамках «циркуляции мозгов».

Ключевые слова: образовательная миграция, «утечка мозгов», «циркуляция мозгов», диаспора знаний, репатриация, академическая мобильность

Введение

Образование в России считается одной из важнейших сфер деятельности для социально-экономического развития страны и занимает заметную роль в государственной политике. Целью национального проекта «Образование» провозглашено вхождение Российской Федерации в топ-10 стран мира по качеству образования. При этом одним из критериев является интернационализация высшего образования, из чего следует необходимость реализации его экспортного потенциала. Миграция в свою очередь определяется в законодательных актах как вспомогательное средство решения демографических и экономических проблем российского государства.

Таким образом, образовательная миграция – процесс, находящийся на стыке двух важных направлений государственного управления, который затрагивает значимые для развития страны аспекты. Одним из необходимых условий для сохранения конкурентоспособности как на рынке экспорта высшего образования (такие задачи прямо сформулированы в нормативно-правовых документах Российской Федерации), так и при управлении выездной образовательной миграцией, что нужно для сокращения негативных последствий от «утечки мозгов», становится изучение опыта других стран, сталкивающихся со схожими вызовами и проблемами. Острота проблем управления образовательной миграцией обуславливает

актуальность данной работы. Усиливает ее практическая ориентированность исследования, что в условиях стремительно усложняющегося ландшафта политической конъюнктуры и изменяющихся паттернов международной мобильности населения, включая и образовательных мигрантов, придает дополнительную значимость.

Цель данной работы – изучение международного опыта управления образовательной миграцией. В качестве задач можно определить отбор стран, проводящих ярко выраженную государственную политику, влияющую на въездную или выездную мобильность учащихся, выделение положительных моментов, которые могли бы быть учтены при разработке и корректировке Россией своих подходов к данному вопросу, оценку эффективности подобной работы в различных государствах и их применимости в нашей стране.

В нашей статье отсутствует глубокий обзор теоретических подходов к образовательной миграции, поскольку она имеет в большей степени прикладной характер. Такой подробный анализ представлен, например, в работе Е. Е. Письменной и Б. А. Сыдыгалиевой, в которой авторы на основе систематизации ряда трактовок понятия «образовательная миграция», использовавшихся отечественными и зарубежными исследователями, сформулировали четкое определение данного понятия. Так, по мнению авторов, под образовательной миграцией следует понимать «мобильность и движение людей внутри и вне страны с целью получения или продолжения образования различного уровня, способствующие развитию человеческого и интеллектуального капитала, повышению качества и уровня образования, как источника международного опыта и знаний, мощный двигатель развития, обогащающий общество, улучшающий образовательные стандарты и способствующий региональной интеграции» [1]. Из определения следует, что в современной трактовке образовательная миграция включает не только студенческую мобильность, но и все перемещения, связанные с получением образования, однако наибольшую долю в этом потоке составляют именно студенты, в связи с чем в данной статье понятия «образовательная миграция», «учебная миграция», «студенческая мобильность» и аналогичные будут использоваться как синонимы, кроме случаев, где на это указывается отдельно.

Практическое изучение вопросов образовательной миграции неразрывно связано с таким термином, как «утечка мозгов» и более современным подходом, трактуемым как «циркуляция мозгов»¹. Одна из первых заметных работ, описывающих негативное влияние утечки мозгов на развитие экономики, опубликована Дж. Н. Бхавати и К. Хамады более 50 лет назад [2]. Значительный вклад в исследование причин и последствий данного процесса внесли западные ученые М. Бейн,

¹ Поясним, что под утечкой мозгов в современной литературе понимаются негативные последствия, связанные с оттоком квалифицированной части рабочей силы, человеческого капитала из страны. Подход к миграции ВКС, называемый циркуляцией мозгов, в свою очередь, фиксирует неизбежность мобильности населения, однако сосредоточен на фиксации выгод, получаемых страной от этого процесса: трансфер технологий и идей, культурное обогащение, развитие национальных систем образования, рост международных гуманитарных связей и т. д. Циркуляция мозгов подразумевает, что страна служит как источником ВКС для других государств, так и привлекает их сама, причем итогом становится игра с ненулевой суммой, то есть суммарный выигрыш участников процесса выше, чем их суммарные потери.

Ф. Докье и Х. Рапопорт [3–5], Дж. Гибсон и Д. Маккензи [6]. К началу XXI века постепенная глобализация мировой экономики привела к тому, что процесс перемещения квалифицированных мигрантов между развитыми странами стал трактоваться учеными как естественный, а вместо термина «утечка мозгов» стало входить в оборот определение «циркуляции мозгов»². Исследования, посвященные этому явлению, получили широкое распространение в середине нулевых годов [7], но остаются востребованными и до сих пор (к примеру, [8]).

Ряд научных работ, изучающих непосредственно политику управления потоками образовательных мигрантов, где взгляд на мобильность учащихся опирается на подходы, присущие теории о «циркуляции мозгов», использован и при подготовке настоящей статьи [9–18].

Образовательная миграция в России и в мире в современных условиях

В России образовательная миграция в целом носит ярко выраженный характер экспорта высшего образования (число учащихся иностранных студентов в стране кратно превышает количество российских студентов за рубежом). В настоящее время, по данным Минобрнауки РФ, в стране обучается около 355 тыс. иностранных студентов³, в планах довести их число до 500 тыс. к 2030 г. За рубежом, по данным ЮНЕСКО, обучается около 63,5 тыс. россиян⁴ (последние доступные данные – на конец 2022 г.). Однако достоверность сведений ЮНЕСКО вызывает вопросы – в частности, в них нет сведений о российских учащихся в Китае (порядка 16 тыс. человек, по оценкам Правительства РФ⁵), а численность учащихся в ряде крупных стран приема, используемая ЮНЕСКО, отличается в меньшую сторону от национальных оценок самих стран. Таким образом, можно предположить, что число учащихся из России за рубежом достигает или превышает 100 тыс. человек.

Образовательная эмиграция молодежи из России является значимым процессом как статистически, так и с точки зрения угрозы оттока человеческого капитала – молодые и потенциально высококвалифицированные специалисты покидают страну с целью получения образования, но не все из них возвращаются на родину после завершения учебы. Достоверной статистики по возвратной образовательной миграции практически не существует. Во-первых, как было показано выше, еще на этапе учета такого типа перемещений происходят статистические ошибки, связанные с различными визовыми особенностями, отсутствием возможности обмена информацией между государствами, разницей в методологиях учета и т. д. Во-вторых, заканчивая учебу студенты меняют свой социальный статус и

² Saxenian, A. Brain Circulation: How High-Skill Immigration Makes Everyone Better Off // Brookings : [сайт]. 01.12.2002. URL: <https://www.brookings.edu/articles/brain-circulation-how-high-skill-immigration-makes-everyone-better-off/> (accessed on 11.10.2024).

³ Константин Могилевский: Африканский континент был и остается важнейшим партнером России в области науки и образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [сайт]. 09.11.2024. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/91293/> (дата обращения: 11.11.2024).

⁴ Other policy relevant indicators: Outbound internationally mobile students by host region // UIS Statistics : [сайт]. <https://data.uis.unesco.org/> (accessed on 11.10.2024).

⁵ Голикова: порядка 48 тыс. китайских студентов обучаются в российских вузах // ТАСС : [сайт]. 19.08.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21636417> (дата обращения: 11.10.2024).

попадают в другие статистические категории. В результате дать достаточно объективную оценку того, какая доля российских учащихся возвращается из-за границы после получения диплома, возможно лишь за счет опросов и иной исследовательской работы. И все же можно утверждать, что образовательные мигранты склонны планировать остаться за рубежом после окончания учебы – различные оценки указывают на то, что подобные намерения есть более чем у половины студентов [17; 19]. Безусловно, это вовсе не означает, что такие планы будут полностью реализованы, но можно говорить о том, что при пассивной политике управления образовательной эмиграцией из России велик риск значительной утечки мозгов.

Образовательная миграция в своей наиболее массовой составляющей (студенческая мобильность) является важной частью процесса интернационализации высшего образования. Данный процесс дает заметные преимущества всем его участникам: студенты получают дополнительные компетенции и опыт адаптации к новым условиям, что важно для их карьеры; учебные заведения – наиболее талантливых студентов, а также международное признание и сеть выпускников за рубежом, что расширяет спрос на их услуги в будущем, принимающие страны – экономическую выгоду и развитие национальной науки, страны происхождения мигрантов – рост квалификации своих граждан, трансфер технологий и компетенций. Одновременно это способствует сохранению глобальных различий между развитыми и развивающимися государствами. Ученые убеждены в том, что за счет образовательной миграции развивающиеся экономики в том числе вносят существенный вклад в развитие академических систем и сообществ ведущих мировых держав [9].

Для многих развивающихся стран этот дисбаланс превращает потенциально благоприятный инструмент, каким является образовательная миграция (выше были обозначены преимущества, которые получает отправляющее государство), в источник риска, связанного с оттоком молодых специалистов, «утечкой мозгов» через международное образование. При этом в современной науке мало внимания уделяется той точке зрения, что политика привлечения талантливых студентов в ведущие мировые вузы может идти в разрез с Целями устойчивого развития ООН, которые среди прочего утверждают задачу по улучшению качества образования в развивающихся странах [9].

В данной связи ряд стран разрабатывает и реализует активную политику, направленную на управление выездной образовательной миграцией. На первый взгляд, подобная государственная политика должна быть прерогативой развивающихся стран, поскольку именно они находятся в группе риска, страдающей от последствий «утечки мозгов» вместо получения преимуществ от «циркуляции мозгов». Вместе с тем часть исследователей указывает на то, что наиболее активно этим озабочены т. н. новые индустриальные страны (или страны с переходной экономикой), например, Бразилия, Индия, Китай [10] или страны ЕС, такие как Италия [11] или Литва⁶, не входящие в число «локомотивов» европейской экономики. Предполагаемой причиной этого является факт, что менее развитые государства просто не имеют ресурсов для решения сложной задачи по удержанию

⁶ Can Lithuania turn brain drain in-to brain gain? / BBC News : [site]. 18.02.2015. URL: <https://www.bbc.com/news/business-31488046> (accessed on 12.10.2024).

высококвалифицированных специалистов и сосредотачивают свои усилия на более массовых видах миграции [12]. Кроме того, поток образовательных мигрантов из этих стран преимущественно состоит из студентов из обеспеченных семей, для которых образование за рубежом изначально становится инструментом смены постоянного места жительства и эффективной адаптации в более развитой стране. В то же время государства, достигшие определенного уровня развития, понимают, что для сохранения динамики роста и конкурентоспособности им необходимо комбинировать академическую мобильность своих граждан с сохранением их вклада в национальную экономику в том или ином виде.

Виды инструментов управления образовательной миграцией

В современной трактовке выделяется три направления политики, позволяющие ее реализовать: удержание, возвращение и вовлечение [13]. Удержание фактически означает попытки предотвратить или ограничить образовательную миграцию. Программы удержания можно разделить на два блока: реализация инициатив, направленных на повышение качества национального образования, и применение механизмов, обеспечивающих продолжение студентами обучения или карьеры на территории страны происхождения после прохождения образовательной программы за рубежом.

Меры первого блока направлены на устранение выталкивающих факторов, снижения их силы и значимости и, как следствие, снижение миграционных намерений. К ним могут относиться инвестиции в национальное образование, развитие университетов, предоставления большего числа бюджетных мест в вузах, дополнительное финансирование исследований для молодых ученых. Так, например, Бразилия в определенный период времени направляла до 1% ВВП на развитие науки и поддержку молодых ученых [14], благодаря чему предполагалось сократить отток молодежи в американские и европейские вузы. Подобный подход, разумеется, работает комплексно – одновременно Бразилия становилась региональным центром, привлекающим студентов из соседних стран Латинской Америки, поскольку для въездной образовательной миграции такое финансирование становилось уже притягивающим фактором [12]. Именно комплексный характер данных мер поддержки обуславливает то, что в той или иной мере ими пользуются практически все государства, за исключением наименее развитых. В этой связи обзор конкретных мер данного блока в различных странах не требуется для решения задач представленного исследования и может быть опущен, хотя сравнение их эффективности и четкость целеполагания могут стать тематикой отдельных научных работ.

Второй блок подразумевает создание инструментов, не изменяющих миграционные намерения молодежи и ее установки на получение зарубежного образования, а обеспечивающих возвратную миграцию после окончания учебы или ее определенного этапа. К таким инструментам относятся программы двойного диплома и «кредит-мобильности» студентов, организация летних школ в партнерских иностранных университетах либо стипендиальные программы, предусматривающие обязательное возвращение студентов после получения диплома для трудовой деятельности в стране происхождения. Эти меры позволяют учащимся получать преимущества иностранного образования при сохранении связи с национальным

университетом (в случае программ двойного диплома) или с национальным рынком труда (для стипендиальных программ). С помощью таких программ существенно снижается риск того, что образовательная миграция становится невозвратной.

Программы двойного диплома ставят среди прочих задачу развития самого университета, а не только управления миграцией. В связи с чем они также реализуются абсолютным большинством стран по всему миру. Что касается стипендиальных программ, то далеко не все государства располагают необходимыми финансовыми возможностями. Тем не менее подобные программы существуют во многих странах, таких как Казахстан, Венесуэла, Малайзия, Боливия и т. д. Некоторые из них предусматривают закрытый список государственных компаний из ключевых отраслей, в которых необходимо отработать после получения диплома, другие имеют более мягкие условия – работа в любой компании на территории страны происхождения [12].

Отдельным инструментом, сочетающим элементы первого и второго блока мер, является создание филиалов иностранных вузов внутри страны. Предоставляя студентам возможность получить диплом, признанный на мировом уровне, государства снижают склонность к миграции среди тех абитуриентов, кто изначально нацелен на получение зарубежного образования, и повышают ее среди тех, кто планировал учиться в национальных вузах (за счет повышения информированности, выстраивания горизонтальных связей со студентами из других кампусов и т. д.). Такая практика характерна для развитых малых стран Азии (Гонконг, Сингапур), стран Карибского Бассейна (Университет Вест-Индии, который располагает филиалами в 11 государствах региона), некоторых европейских стран.

Политика возвращения предусматривает реализацию мер, направленных на репатриацию квалифицированных специалистов, закончивших иностранный вуз. В отличие от общих репатриационных программ, которые созданы для привлечения широкого круга граждан стран происхождения или их потомков, проживающих за рубежом, и преследуют, как правило, чисто демографические (увеличение численности населения в условиях падения рождаемости) либо политические цели (сохранение идентичности, целостности этноса), программы возвращения, рассматриваемые в нашей статье, связаны с попыткой государств частично компенсировать «утечку мозгов» за счет создания устойчивого, пусть и менее массового, встречного потока. Такие меры подразумевают создание национальных сообществ студентов и выпускников в странах, куда выезжает большое число учащихся, для определения целевой аудитории и последующего предложения им определенных условий для возвращения – для продолжения учебы, осуществления научной или профессиональной деятельности.

Подобные программы реализовывались в разное время в Китае, Индии [15], ЮАР [16], Венесуэле, Колумбии [12] и других странах мира. Общим важным элементом для этих стран были схожие условия: массовый отток студентов или квалифицированных молодых специалистов в определенный исторический период развития и быстрый экономический рост, стимулирующий появление большого числа вакансий для специалистов на следующем этапе развития страны. Впрочем, опыт большинства стран в реализации подобных программ оказывался не самым

удачным. Как правило, программы возвращения могут успешно работать для точечного привлечения специалистов высочайшего уровня, способных создать «вокруг себя» инновационное предприятие или целый сектор экономики, мощную научно-исследовательскую группу или организацию. Таким образом эти инструменты больше подходят для управления интеллектуальной миграцией, которая, хотя и тесно связана с образовательной, но все же должна рассматриваться отдельно.

В рамках программ по возвращению, направленных именно на образовательных мигрантов, можно рассматривать или все те же стипендиальные программы (считать ли их элементом удержания или возвращения – достаточно дискуссионный вопрос), или усилия, направленные на создание преференциальной политики, предусматривающей льготные условия для получения жилищных кредитов, улучшение условий занятости, создание центров карьеры для репатриантов.

Интересным является предложение по возмещению расходов на образование за рубежом, понесенных студентами самостоятельно [17]. Не секрет, что «груз» образовательных кредитов является одной из проблем для молодежи в развитых странах с дорогим образованием. В данном контексте национальные репатриационные программы, предусматривающие погашение такого кредита за счет государства происхождения мигранта при встречном обязательстве работы в национальных организациях, могли бы стать более эффективным аналогом стипендий для обучения за рубежом. Это связано с тем, что при принятии решения о вступлении в стипендиальную программу абитуриенты часто имеют весьма далекое от действительности представление о своей будущей карьере, в том числе и о готовности к возвращению в страну происхождения после окончания учебы. В то же время выпускники вузов гораздо лучше понимают свои перспективы как в стране пребывания, так и на родине, в связи с чем возможность погашения кредита могла бы стать серьезным аргументом для принятия решения о репатриации.

Наконец, третьим видом государственной политики в этой сфере является вовлечение. Его особенность заключается в самом понимании диаспоры как «части имеющегося у страны потенциала» [17], а диаспоры знаний – как часть имеющегося инновационного, интеллектуального потенциала. Такой подход подразумевает, что представители диаспоры активно участвуют в научной жизни страны происхождения, привлекаются для участия в исследованиях, академической мобильности, то есть сохраняют не только личные, но и профессиональные и деловые связи. Наиболее очевидные сферы применения этой политики лежат во взаимодействии с интеллектуальными диаспорами, однако выше было показано, что образовательных мигрантов (особенно, когда речь идет об уровне образования в магистратуре и, тем более аспирантуре) следует рассматривать как составляющую часть интеллектуальных диаспор либо источник их возникновения.

Кроме того, реализация диаспоральной политики зачастую направлена как раз на ее молодых представителей, недавно прибывших в новую для себя страну и пока не имеющих определенного признания ни в профессиональном сообществе, ни в самой диаспоре. У более адаптированных мигрантов, как правило, взаимодействие со страной происхождения может быть не столь востребовано из-за глубокой интеграции в общество страны приема. Таким образом, существующие программы

вовлечения следует рассматривать кроме прочего и через призму взаимодействия с образовательными мигрантами.

Опыт активизации связей страны происхождения со «своими» студентами или выпускниками имеется у многих государств. Отмечают, к примеру, успех китайского подхода, который формировал сети мигрантов в т. ч. в вузах, позволяя контактировать студентам и молодым ученым из КНР с образовательными и научными организациями на родине [17]. Индия, столкнувшись со сложностями в реализации репатриационных программ для выпускников западных вузов, приняла участие в программе «ТОКТЕН» («Передача знаний через экспатриантов») [15]. Схожие программы существуют (или существовали в разное время) в ЮАР, Малайзии, Шотландии, Ирландии, Аргентине, Колумбии, Чили, Хорватии, Мексике и других странах [18].

Подобные программы обычно включают в себя ограниченный набор стимулов, направленных либо на представителей научной среды (финансирование совместных исследований, создание «зеркальных» лабораторий, приглашение в качестве приглашенных профессоров и т. д.), либо на предпринимателей в сфере инноваций (реализация совместных проектов, содействие трансферу технологий и инновационных продуктов, внедрение зарубежного опыта в национальные отрасли производства). Специфическим методом взаимодействия именно с образовательными мигрантами является дополнение перечисленных мер теми, которые связаны с получением образования: проведение «возвратных» летних школ и стажировок – предоставление студентом зарубежных вузов возможности пройти дополнительную подготовку или рабочую стажировку в стране происхождения, организация информационных платформ, объединяющих национальных работодателей и студентов иностранных вузов, конкурсы инновационных проектов (что способствует трансферу технологий из наиболее развитых государств в страны происхождения) и т. д.

Интересным опытом прямого вовлечения образовательных мигрантов в развитие страны стал опыт стипендий армянского фонда «Луис». Ежегодно до 100 студентов получали финансирование на образовательные цели в лучших вузах мира, при этом подразумевалось, что никаких ограничений на их статус после окончания учебы не накладывалось⁷. Вместо этого организаторы стремились вовлечь их во взаимодействие с армянской молодежью, стипендиаты фонда становились менторами для старших школьников и студентов, обучавшихся в Армении, делясь с ними знаниями и опытом, налаживая академические и профессиональные связи. Несмотря на прекращение стипендиальной программы, Армения является одной из стран с наиболее развитой диаспоральной политикой (что неудивительно, учитывая размер диаспоры в сравнении с населением внутри страны, а также сохранение армянами идентичности при проживании за рубежом), включающей в т. ч. и

⁷ «Армянское чудо»: Кембриджский университет – о деятельности фонда «Луис» // Armenpress : [сайт]. 24.02.2016. URL: <https://armenpress.am/rus/news/837107/armenian-miracle-cambridge-university-website-refers-to-luys-foundation.html> (дата обращения: 11.10.2024).

инициативы вовлечения для образовательных мигрантов, такие как «Молодой пол-сол диаспоры»⁸.

Программы вовлечения как элемент расширения целевой аудитории национальной политики управления образовательной миграцией

Следует отметить, что значительная часть методов управления выездной образовательной миграцией пересекается либо с развитием национальных систем образования и науки как таковых (в основном это касается политики удержания), либо с репатриационными программами (политика возвращения), либо с диаспоральной политикой и взаимодействием с интеллектуальными диаспорами (политика вовлечения). Исходя из этого, при формировании государственной политики необходимо понимать, что цель сохранения интеллектуального потенциала страны и устранения рисков «утечки мозгов» может легко затеряться в других целях и задачах, поставленных перед государством. Наибольшие сомнения вызывает возможность оценки результативности мер, направленных на вовлечение образовательных мигрантов. Другими словами, на сегодняшний день не существует реально функционирующего механизма определения эффективности управления потоками выездной образовательной миграции. Анализ научной литературы также не позволяет сформулировать подходящие критерии, которые бы дифференцировали влияние того или иного инструмента непосредственно на образовательную миграцию.

В условиях, когда эффективность применяемых мер практически невозможно измерить и верифицировать, особенно важно осуществлять их таким образом, чтобы они были направлены на широкую и потенциально восприимчивую к ним аудиторию. В данном контексте следует отметить, что на сегодняшний день российский опыт не в полной мере отвечает этим задачам. Говоря об эффективности существующих и потенциальных инструментов управления образовательной миграцией, надлежит разделять студентов, обучающихся за рубежом, на группы по их отношению к перспективам возвращения на родину и карьерным установкам. Проиллюстрируем это результатами одного из опросов: около 62% образовательных мигрантов из России не планируют возвращаться на родину по окончании вуза; 24% готовы сделать это когда-нибудь в будущем; и только 14% намерены вернуться в Россию сразу после завершения учебы [17].

Предполагается, что первая, наиболее многочисленная группа, будет невосприимчива к мерам по удержанию и возвращению. Таким образом, реализуемые в России в настоящее время программы по управлению образовательной миграцией направлены на ограниченную целевую аудиторию, что и делает их недостаточно эффективными. Хотя итоги опроса показывают, что данная группа вряд ли может считаться демографическим резервом или потенциальным источником специалистов для российского рынка труда, но реализация политики вовлечения в отношении таких учащихся может позволить задействовать их определенным образом. Чтобы поддерживать связь этих студентов с российским рынком труда, одним из вариантов может стать запуск интернет-портала, который соединял бы российских

⁸ Diaspora – Программы // Офис уполномоченного РА по делам диаспоры : [сайт]. URL: <http://diaspora.gov.am/ru/programs> (дата обращения: 11.10.2024).

работодателей и студентов, обучающихся за границей. Предложения о найме таких студентов на краткосрочной, проектной или дистанционной основе позволило бы им поделиться своим опытом с российским бизнесом, промышленностью и государственным сектором.

Вторая группа, еще до конца не определившаяся со своими карьерными установками, может получить от государства сигнал о востребованности своих навыков и компетенций на российском рынке труда. Реализовать это возможно будет посредством расширения информирования (проведение ярмарок вакансий, конференций для студентов за рубежом с представительством бизнеса для лучшего понимания, какие знания и умения востребованы в России), а также путем предоставления надлежащих экономических условий. Образовательные кредиты – немаловажный фактор, влияющий на экономическое поведение выпускников, поэтому их рефинансирование, частичное или полное погашение, или иные финансовые льготы (подобно распространению в последние годы льготного ипотечного кредитования как меры поддержки семей) могли бы стать существенным доводом в пользу возвращения в Россию.

Проведение политики вовлечения само по себе не способствует возвращению выпускников, но обеспечивает их вклад в социально-экономическое, культурное, научное или иное развитие страны, а кроме того, может способствовать переходу выпускников из первой, наиболее массовой категории («не планирую возвращаться в Россию») во вторую – категорию не определившихся («вероятно вернусь в будущем»). Это создает определенную массу квалифицированных специалистов, на которых могут быть направлены отечественные программы по репатриации, и которых можно рассматривать как демографический и экономический «резерв».

Следует понимать, что важнейшая проблема образовательных мигрантов и ключ к их адаптации за рубежом либо стимул для возвращения на родину – транзакционные издержки, связанные с переездом и поиском работы. Практически все исследования различных видов миграции показывают, что экономические факторы являются основными при принятии решений о переезде. Отсюда следует, что одной из первостепенных задач российской государственной политики в сфере управления образовательной миграцией должно стать обеспечение соединения российских выпускников иностранных вузов с отечественным рынком труда. Создавая механизмы «заблаговременного трудоустройства», например, путем финансирования летних стажировок в отечественных компаниях, создания базы данных российских студентов, обучающихся за рубежом, заинтересованных в получении предложений о работе, Россия может более эффективно задействовать свой потенциал, который составляют студенты – молодые представители диаспоры знаний.

Заключение

Постепенная глобализация мировой экономики в сочетании с процессами интернационализации высшего образования приводит национальные государственные структуры, отвечающие за управление миграционными потоками, к пониманию того, что в конкуренции за человеческий капитал важно уделять внимание не только уже сформировавшимся специалистам, но и студентам, которые в перспективе войдут на рынок ВКС. Следовательно, менеджмент потоков молодежи,

направляющейся на обучение в другие страны, становится полем для применения инструментов национальных миграционных политик.

Направленность политики на молодых мигрантов, недавно прибывших в новую для себя страну и не имеющих пока устойчивого положения в местном обществе, в сравнении с более адаптированными мигрантами, как правило, лучше интегрированными в общество страны приема, позволяет использовать сохраняющуюся миграционную подвижность данной группы в интересах государства. Опыт активизации связей с обучающимися за рубежом студентами есть у многих государств. Среди близких к России стран БРИКС, которые, несмотря на заметные различия в демографической сфере, но имеют схожие задачи в социально-экономическом развитии, выделяется успешность китайского подхода, заключавшемся в формировании сети мигрантов, в т. ч. в иностранных вузах, вовлечении студентов и молодых ученых из КНР в совместную деятельность с образовательными и научными организациями на родине. Программы передачи знаний через образовательную миграцию реализовывались и в Индии. Подобные программы в разное время существовали в ряде других стран с переходной экономикой, таких как Колумбия, Бразилия, Литва, Мексика, ЮАР и пр.

Инструменты управления процессами образовательной миграции можно разделить на три группы: удержание, возвращение и вовлечение. Практически каждая страна в той или иной степени применяет меры, относящиеся ко всем трем группам, однако для большинства государств основным фокусом внимания являются инструменты, относящиеся к удержанию и возвращению. Это связано в том числе и с тем, что эффективность таких мер в теории может быть продемонстрирована (например, количество или доля участников конкретных программ, возвращающихся из-за рубежа после получения образования) обществу и контролирующим органам, что облегчает администрирование бюджетных расходов. В свою очередь, программы, направленные на вовлечение образовательных мигрантов, как представляется, несут не столь очевидную, однако более существенную выгоду для осуществляющего их государства – от чисто имиджевых эффектов до тех, которые позволяют обеспечить их вклад в социально-экономическое, культурное, научное или иное развитие страны.

Проведение политики вовлечения не направлено на возвращение выпускников, а способствует расширению круга студентов, которые потенциально более восприимчивы к государственным программам, включая и репатриацию. Это позволяет повысить эффективность уже реализуемых странами (среди которых и Россия) мер управления образовательными мигрантами, создает демографический и экономический резерв общества.

Международный опыт показывает, что методы борьбы с «утечкой мозгов», связанные с выстраиванием административных барьеров для выезда образовательных мигрантов или направленные на их вынужденное возвращение на родину по завершении учебы не могут быть достаточно эффективными, но будут требовать значительного финансирования. Важно выделять цели удержания, возвращения и вовлечения образовательных мигрантов при разработке инструментов репатриации, программ развития высшего образования и диаспоральной политики для возвращения образовательной миграции в фокус внимания государства и общества.

Список литературы

1. Письменная, Е. Е. Образовательная миграция в Кыргызстане: тенденции и перспективы / Е. Е. Письменная, Б. А. Сыдыгалиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 138–153. DOI <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.9>. EDN [ZSYZBJ](#).
2. Bhagwati, J. N. The Brain Drain, International Integration of Markets for Professionals and Unemployment / J. N. Bhagwati, K. Hamada // Journal of Development Economics. 1974. Vol. 1, No. 1. Pp. 19–42. DOI [10.1016/0304-3878%2874%2990020-0](https://doi.org/10.1016/0304-3878%2874%2990020-0).
3. Beine, M. Brain Drain and Economic Growth: Theory and Evidence / M. Beine, F. Docquier, H. Rapoport // Journal of Development Economics. 2001. Vol. 64, No. 1. Pp. 275–289. DOI [10.1016/S0304-3878\(00\)00133-4](https://doi.org/10.1016/S0304-3878(00)00133-4).
4. Beine, M. Brain Drain and Human Capital Formation in Developing Countries: Winners and Losers / M. Beine, F. Docquier, H. Rapoport // The Economic Journal. 2008. Vol. 118, No. 528. Pp. 631–652. DOI [10.1111/j.1468-0297.2008.02135.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2008.02135.x).
5. Docquier, F. Globalization, Brain Drain, and Development / F. Docquier, H. Rapoport // Journal of Economic Literature. 2012. Vol. 50, No. 3. Pp. 681–730. DOI [10.1257/jel.50.3.681](https://doi.org/10.1257/jel.50.3.681).
6. Gibson, J. Eight Questions about Brain Drain / J. Gibson, D. McKenzie // Journal of Economic Perspectives. 2011. Vol. 25, No. 3. Pp. 107–128. DOI [10.1257/jep.25.3.107](https://doi.org/10.1257/jep.25.3.107).
7. Daugeliene, R. Brain Circulation: Theoretical Considerations / R. Daugeliene, R. Marcinkeviciene // Engineering Economics. 2009. Vol. 63, No. 3. Pp. 49–57.
8. Chen, C. Brain Circulation: The Educational Profile of Return Migrants / C. Chen, A. Bernard, R. Rylee, G. Abel // Population Research and Policy Review. 2022. Vol. 41, No. 1. Pp. 387–399. DOI [10.1007/s11113-021-09655-6](https://doi.org/10.1007/s11113-021-09655-6).
9. Altbach, P. The International Imperative in Higher Education. Rotterdam : Sense Publishers, 2013. 198 p. ISBN 978-94-6209-337-9.
10. Шевцова, Е. В. Сравнительный анализ миграционной политики и мер по борьбе с «Утечкой мозгов» в странах Азии // Вестник НГУЭУ. 2010. № 1. С. 131–142. EDN [LXMMPG](#).
11. Saint-Blancat, C. Italy: Brain Drain or Brain Circulation? // International Higher Education. 2019. No. 96. Pp. 1–11. DOI [10.6017/ihe.2019.96.10773](https://doi.org/10.6017/ihe.2019.96.10773).
12. Кузнецов, Н. Г. Политика стран Латинской Америки и Карибского бассейна в области регулирования образовательной миграции // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 129–139. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.10). EDN [YVMIRT](#).
13. Gribble, G. Policy Options for Managing International Student Migration: The Sending Country's Perspective // Journal of Higher Education Policy and Management. 2009. Vol. 30, No. 1. Pp. 25–39. DOI [10.1080/13600800701457830](https://doi.org/10.1080/13600800701457830).
14. Moreira, I. Brazilian Science at Crossroads // Science. 2003. Vol. 301, No. 5630. Pp. 141–196. DOI [10.1126/science.301.5630.141](https://doi.org/10.1126/science.301.5630.141).
15. Соколов, Д. В. Интеллектуальная миграция в Китае, Индии и России: Некоторые международные сопоставления // Управление наукой и наукометрия. 2016. Т. 11, № 3. С. 45–63. EDN [WYJTLT](#).
16. Соколов, Д. В. Интеллектуальная диаспора как ресурс развития науки: обзор опыта стран BRICS (Бразилия, ЮАР, Россия) // Управление наукой и наукометрия. 2017. Т. 12, № 1. С. 25–37. EDN [YKMOVVL](#).
17. Minaeva, E. Outbound Student Mobility in Russia: Creating a Path for Brain Circulation through Higher Education // University Management: Practice and Analysis. 2020. No. 24. Pp. 145–156. DOI [10.15826/umpa.2020.02.020](https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.020). EDN [ZHZNCL](#).
18. Дежина, И. Г. Развитие сотрудничества с русскоязычной научной диаспорой: опыт, проблемы, перспективы / И. Г. Дежина, Е. Н. Кузнецов, А. В. Коробков, Н. В. Васильев. Москва : Издательство «Спецкнига», 2015. 104 с. ISBN 978-5-91891-472-4. EDN [YDPDZR](#).
19. Письменная, Е. Е. Россия на рынке образовательных услуг стран Юго-Восточной Азии: возможности и перспективы / Е. Е. Письменная, С. В. Рязанцев, Н. Г. Кузнецов, До Хыонг Лан // Вопросы управления. 2022. № 3 (76). С. 60–75. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-60-75](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-60-75). EDN [QRTAXV](#).

Сведения об авторе

Кузнецов Никита Григорьевич, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nick_smith@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); РИНЦ SPIN-код: [3607-6385](https://elibrary.ru/6385).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № [22-68-00210](https://rfbr.ru/funding/22-68-00210) «Эмиграция и положение русскоязычного населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях новых глобальных вызовов».

Статья поступила в редакцию 11.10.2024; принята в печать 01.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

FOREIGN EXPERIENCE IN MANAGING EDUCATIONAL YOUTH EMIGRATION

Nikita G. Kuznetsov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nick_smith@mail.ru

For citation: Kuznetsov, Nikita G. Foreign Experience in Managing Educational Emigration of Youth. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 260–273. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.X](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.X).

Abstract. Educational migration has become an integral part of the development of higher education systems in large countries and a way to solve several social, economic, and demographic problems. The article analyzes the approaches of a few states to the regulation of outbound educational migration, i.e. aimed at preserving human capital within the country, or an attempt to attract students studying abroad to scientific, social, cultural, or economic projects implemented by the country. The article identifies three groups of tools used in the state policy of educational migration management: retention, return and involvement. Examples of countries implementing certain programs belonging to these three groups are given. The paper analyzes the shortcomings of domestic methods of managing the flows of educational migrants and makes recommendations that could be considered when adjusting national policy in this area, allowing expanding the target audience of measures already being implemented, as well as allowing Russia to use the potential of students abroad of domestic students within the framework of “brain circulation”.

Keywords: educational migration, “brain drain”, “brain circulation”, knowledge diaspora, repatriation, academic mobility

References

1. Pismennaya, E. E. Educational Migration to Kyrgyzstan: Trends and Prospects / E. E. Pismennaya, B. A. Sydygalieva. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 138–153. DOI <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.9>. (In Russ.).
2. Bhagwati, J. N. The Brain Drain, International Integration of Markets for Professionals and Unemployment / J. N. Bhagwati, K. Hamada. *Journal of Development Economics*. 1974. Vol. 1, No. 1. Pp. 19–42. DOI [10.1016/0304-3878\(74\)90020-0](https://doi.org/10.1016/0304-3878(74)90020-0).
3. Beine, M. Brain Drain and Economic Growth: Theory and Evidence / M. Beine, F. Docquier, H. Rapoport. *Journal of Development Economics*. 2001. Vol. 64, No. 1. Pp. 275–289. DOI [10.1016/S0304-3878\(00\)00133-4](https://doi.org/10.1016/S0304-3878(00)00133-4).
4. Beine, M. Brain Drain and Human Capital Formation in Developing Countries: Winners and Losers / M. Beine, F. Docquier, H. Rapoport. *The Economic Journal*. 2008. Vol. 118, No. 528. Pp. 631–652. DOI [10.1111/j.1468-0297.2008.02135.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2008.02135.x).

5. Docquier, F. Globalization, Brain Drain, and Development / F. Docquier, H. Rapoport. *Journal of Economic Literature*. 2012. Vol. 50, No. 3. Pp. 681–730. DOI [10.1257/jel.50.3.681](https://doi.org/10.1257/jel.50.3.681).
6. Gibson, J. Eight Questions about Brain Drain / J. Gibson, D. McKenzie. *Journal of Economic Perspectives*. 2011. Vol. 25, No. 3. Pp. 107–128. DOI [10.1257/jep.25.3.107](https://doi.org/10.1257/jep.25.3.107).
7. Daugeliene, R. Brain Circulation: Theoretical Considerations / R. Daugeliene, R. Marcinkeviciene. *Engineering Economics*. 2009. Vol. 63, No. 3. Pp. 49–57.
8. Chen, C. Brain Circulation: The Educational Profile of Return Migrants / C. Chen, A. Bernard, R. Rylee, G. Abel. *Population Research and Policy Review*. 2022. Vol. 41, No. 1. Pp. 387–399. DOI [10.1007/s11113-021-09655-6](https://doi.org/10.1007/s11113-021-09655-6).
9. Altbach, P. *The International Imperative in Higher Education*. Rotterdam : Sense Publishers, 2013. 198 p. ISBN 978-94-6209-337-9.
10. Shevtsova, E. V. Comparative Analysis of Migration Politics and Anti-Brain Drain Steps in Asian Countries. *Vestnik NSUEM*. 2010. No. 1. Pp. 131–142. (In Russ.).
11. Saint-Blancat, C. Italy: Brain Drain or Brain Circulation? *International Higher Education*. 2019. No. 96. Pp. 1–11. DOI [10.6017/ihe.2019.96.10773](https://doi.org/10.6017/ihe.2019.96.10773).
12. Kuznetsov, N. G. Policies in Regulating Educational Migration in Latin America and the Caribbean Countries. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1, No. 4. Pp. 129–139. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.10). (In Russ.).
13. Gribble, G. Policy Options for Managing International Student Migration: The Sending Country's Perspective. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2009. Vol. 30, No. 1. Pp. 25–39. DOI [10.1080/13600800701457830](https://doi.org/10.1080/13600800701457830).
14. Moreira, I. Brazilian Science at Crossroads. *Science*. 2003. Vol. 301, No. 5630. Pp. 141–196. DOI [10.1126/science.301.5630.141](https://doi.org/10.1126/science.301.5630.141).
15. Sokolov, D. V. Intellectual Migration in China, India and Russia: Some International Comparisons. *Science Governance and Scientometrics*. 2016. Vol. 11, No. 3. Pp. 45–63. (In Russ.).
16. Sokolov, D. V. Intellectual Diaspora as a Resource for Science Development: A Review of Experience in BRICS Countries (Brazil, South Africa and Russia). *Science Governance and Scientometrics*. 2017. Vol. 12, No. 1. Pp. 25–37. (In Russ.).
17. Minaeva, E. Outbound Student Mobility in Russia: Creating a Path for Brain Circulation through Higher Education. *University Management: Practice and Analysis*. 2020. No. 24. Pp. 145–156. DOI [10.15826/umpa.2020.02.020](https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.020).
18. Dezhina, I. G. *Razvitiye sotrudnichestva s russkoyazychnoy nauchnoy diasporoy: opyt, problemy, perspektivy [Development of cooperation with the Russian-speaking scientific diaspora: experience, problems, prospects]* / I. G. Dezhina, E. N. Kuznetsov, A. V. Korobkov, N. V. Vasiliev. Moscow : “Spetskniga” Publ., 2015. 104 p. ISBN 978-5-91891-472-4. (In Russ.).
19. Pismennaya, E. E. Russia in the Educational Services Market of Southeast Asia: Opportunities and Prospects / E. E. Pismennaya, S. V. Ryazantsev, N. G. Kuznetsov, Do Huong Lan. *Management Issues*. 2022. No. 3 (76). P. 60–75. DOI [10.22394/2304-3369-2022-3-60-75](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-60-75). (In Russ.).

Bio note

Nikita G. Kuznetsov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nick_smith@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); RSCI SPIN-code: [3607-6385](https://www.rsci.ru/spin/3607-6385).

Acknowledgements and financing

The reported study was funded by Russian Science Foundation, Project No. 22-68-00210 “Emigration and the situation of the Russian-speaking population in the countries of the Asia-Pacific region in the context of new global challenges.”

Received on 11.10.2024; accepted for publication on 01.12.2024.

The author has read and approved the final manuscript.